

По примеру Сатурна, всякая революция пожирает своих детей

Совершившие революцию люди могли совершить многие ошибки и даже преступления, но ни при каких обстоятельствах они не могли встать на путь борьбы против созданного ими же советского строя, превратиться в “фашистских шпионов и убийц” под руководством одного из вождей революции Льва Троцкого.

Солтан Дзарасов

Неисповедимы пути Господни

Поистине, неисповедимы пути Господни, и Лев Давидович Троцкий – яркая тому иллюстрация. Сын состоятельного землевладельца и предпринимателя с юности проникся ненавистью к несправедливостям монархического режима в России и с головой окунулся в революционную деятельность. Последовал обычный в те времена цикл: тюрьма, Сибирь, побег, эмиграция. На политическом небосклоне его звезда засияла в 1905 году, когда поднялась первая революционная волна, и он с чужбины вернулся в центр событий. Ораторский дар, быстрое и отточенное перо, находчивость и организационные способности подняли его на вершину, и в 25 лет он возглавил Петроградский Совет рабочих депутатов. Но вскоре его опять ждал арест и ещё более суровое наказание – вечное поселение на Севере с лишением всех гражданских прав. Несмотря на угрозу каторги, он по пути туда в очередной раз решается на побег, после чего вновь эмигрирует. Теперь уже на целых десять лет.

Активно участвуя в социал-демократической деятельности за рубежом, он пытается преодолеть раскол между Лениным, Плехановым и Мартовым, много пишет и выступает, занимая самостоятельную позицию. Пропагандирует и развивает марксизм, выдвигает теорию “перманентной революции”.

На Родину Троцкий возвращается лишь весной 1917 года. Его, как и Ленина, с почётом встречают на Финляндском вокзале и, памятуя былое, вскоре избирают председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вместе с Лениным и большевиками он борется против пагубного курса

Временного правительства. После июльских событий Троцкого на базе надуманных обвинений арестовывают, теперь уже новые власти. Однако, когда поднялся корниловский мятеж, Керенский, сменив гнев на милость, выпускает Троцкого из заключения, надеясь с его помощью организовать рабочие и солдатские массы для отпора военной диктатуре. Под предлогом необходимости укрепления обороны Петрограда Троцкий формирует Военно-революционный комитет, но направляет его деятельность на большевизацию Советов и агитацию среди военных в их пользу. Это и обеспечивает успех Октябрьскому вооружённому восстанию. Ленин в то время находится в подполье, и основная работа по подготовке революционной операции в столице лежит на Троцком. Имена Ленина и Троцкого становятся рядом. Ленин предлагает Троцкому высшую руководящую должность – председателя Совета народных комиссаров. Но он отказывается.

В первые годы Советской власти Троцкий непрестанно входил в состав высшего политического, государственного и военного руководства Республики. Он возглавлял наркоматы по иностранным, военным и морским делам, Революционный военный совет, занимал немало других ключевых постов, создал Красную армию и руководил её действиями по отражению интервенции и в гражданской войне, которая через три года, благодаря его стараниям, увенчалась успехом. Авторитет Троцкого как второго после Ленина лица долгое время мало у кого вызывал сомнения.

Но как роза не бывает без шипов, так и люди, даже великие, не лишены недостатков. Троцкий был высокомерен и неуживчив, обладал повышенным честолюбием и самомнением. Сознывая своё превосходство над другими, он не скрывал этого, что не могло не вызывать у его окружения недовольство и неприязнь. И когда Ленин заболел и умер, нашлись ревностные соперники, ополчившиеся против него в борьбе за большевистский трон, на что, кстати, он особо не претендовал. “Троцкизм” был противопоставлен “ленинизму”. Постепенно его отодвинули на обочину политической жизни, сняли со всех должностей, исключили из партии и выслали в Казахстан, а затем и за пределы СССР. Позже Троцкого обвинили в измене Родине, сотрудничестве с Гитлером, попытках реставрации капитализма в СССР. Вследствие такой массивной политической кампании его отказывались принимать многие страны. В конце концов, ему пришлось отправиться в Мексику, где изгнанный революционер и осел.

Он написал немало глубоких по содержанию и блистательных по форме произведений. В их числе – трёхтомная история русской революции – красочное полотно величайшего события мировой истории, созданное её свидетелем и одним из главных творцов; пророческий труд “Преданная революция”, объясняющий перерождение советской системы и предсказавший её дальнейший крах, свидетелями чего мы оказались в 1990-е годы. Понятно, что все его работы были запрещены в СССР. В августе 1940 года дамоклов меч обрушился на его голову: по приказу Сталина его убили.

В отличие от многих других жертв “большого террора”, Троцкий не был реабилитирован при советской власти. Демонический образ сохранялся за ним и в новые времена. Его реабилитация на рубеже века прошла тихо и незаметно. Да и сегодня роль Троцкого в русской революции и развитии общественной мысли у нас замалчивается.

К своему пятидесятилетию в 1929 году Троцкий выпустил автобиографию в двух томах “Моя жизнь”. После этого он ещё прожил десять лет. На Западе о нём было издано большое количество работ, среди которых лучшей является исследование в трёх книгах Исаака Дойчера, хорошо знавшего своего героя. В 1972 году вышел англо-американский фильм “Убийство Троцкого” с участием таких звёзд мирового экрана, как Ричард Бёртон (главная роль), Роми Шнайдер и Ален Делон. В последнее время образ Троцкого предстаёт и в нашей литературе, и в документальных лентах на голубом экране. Как прежде, так и теперь имеется немало клеветнических произведений, пытающихся изобразить его исключительно в чёрных красках. Справедливо мнение, что более оболганного из вождей революции, чем Троцкий, не существует. На его Родине ему нет памятников, его именем не названы ни города, ни улицы. Нет даже Дома-музея, где посетители могли бы ознакомиться с экспонатами, характеризующими эту удивительную историческую личность.

Укоренившиеся мифы

Один из них состоит в том, что Троцкий уже в канун русских революций 1917 года являлся завербованным агентом иностранных разведок и получал средства для развала России. Впервые об этом заговорили вскоре после Февральской революции. В то время точно так же травили и Ленина, сравнивая его с бактерией чумы, которую немцы специально переправили из Европы до мной в закрытом вагоне. Никаких документальных доказательств таких утверждений ни тогда, ни после не имеется. Это, как сказали бы теперь, фейк. На заседании исполкома Петроградского Совета Троцкий тотчас же среагировал: “Милюков (лидер кадетов и министр иностранных дел Временного правительства – **Г. Ц.**) обвиняет нас в том, что мы – агенты-наёмники германского правительства. С этой трибуны революционной демократии я обращаюсь к честной русской печати (он повернулся к сидящим в зале журналистам) с просьбой, чтобы мои слова были воспроизведены: до тех пор, пока Милюков не снимет этого обвинения, на его лбу останется печать бесчестного клеветника” (Дойчер И. Троцкий. Вооружённый пророк. 1879–1921. М., ЗАО “Центрполиграф”, 2006. С. 274).

После июльских событий буржуазная пресса добавила новую порцию дёгтя, опубликовав сведения о том, что в США, где Троцкий находился всего два месяца, он до возвращения в Россию получил 10 тысяч долларов от американцев немецкого происхождения, причём источником средств назывался германский Генштаб. Заметим, что инкриминируемая сумма не столь уж велика для “подрыва” политической системы такой огромной страны. И на этот поклёп Троцкий не преминул дать разъяснение: “За два дня до моего отъезда в Европу (из Нью-Йорка. – **Г. Ц.**) немецкие рабочие, которым я не раз читал доклады, совместно с американскими, русскими, латышскими, еврейскими, литовскими и финскими друзьями и сторонниками устроили мне прощальный митинг, на котором производился сбор на русскую революцию. Сбор дал 310 долларов. В счёт этой суммы немецкие рабочие внесли через своего представителя 100 долларов. Переданные в моё распоряжение 310 долларов я на другой же день с согласия организаторов митинга распределил между пятью возвращающимися в Россию эмигрантами, которым не хватало денег на проезд. Такова была история “10 000 долларов”... Для того чтобы в будущие времена ввести необходимый поправочный коэффициент в мышления обо мне г. г. лжецов, клеветников, кадетских газетчиков и негодяев вообще, считаю полезным заявить, что за всю свою жизнь я не имел одновременно не только 10 000 долларов, но и одной десятой этой суммы” (Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск, “Восточно-Сибирское книжное издательство”, 1991. С. 291).

Выступая в Петроградском Совете, он к этому добавил: “Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер” (Дойчер И. Указ. соч. С. 286).

Другим распространённым обвинением Троцкого стало утверждение, что он был организатором красного террора, в котором он, несомненно, участвовал, но никак не был главным действующим лицом. На эту роль в большей мере подошли бы Дзержинский, Свердлов или Урицкий. Правда, 17 декабря 1917 года Троцкий резко заявил в адрес кадетов: “Вам следует знать, что не позднее чем через месяц террор примет очень жёсткие формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не тюрьма”. Но это была ответная реакция на развёртывающуюся со стороны враждебных сил атаку на революцию. Вопрос – кто начал гражданскую войну: белые или красные? – весьма спорен и, наверное, не имеет решения. Очевидный факт состоит в том, что жестокости имели место с обеих сторон. Как глава Красной армии Троцкий подчас не был особо разборчив в средствах, подвергал расстрелу каждого десятого из отступающих частей (то есть применял децимацию, известную с эпохи Древнего Рима), использовал заградительные отряды. Но тогда решался вопрос – кто кого. И об этом хорошо знал Ленин, не осуждавший Троцкого.

После возвышения Сталина Троцкий оставался его врагом № 1. Вначале вождь СССР пытался вбить клин между Троцким и Лениным, представить их расхождения по ряду вопросов в явно раздутом виде. Затем по воле отца народов Троцкий превратился в организатора борьбы против советского строя и пособника фашистских шпионов и убийц. Все эти, как и многие другие инвективы были рассмотрены на так называемом Контрпроцессе Троцкого, организованном в 1937 году авторитетной международной комиссией во главе с известным американским философом Джоном Дьюи. В результате тщательного исследования свидетельских показаний Троцкого и изучения множества документов, Комиссия пришла к выводу о полной его невинности в приписываемых ему советским судом преступлениях. Одновременно со стенограммой Контрпроцесса Комиссия опубликовала отдельный том с имевшимися материалами и заключениями под названием “Не виновен” (Not guilty). Однако в то время это не могло получить известность в Советском Союзе и не возымело должного воздействия на мировое мнение.

В предисловии недавно переведённой на русский язык книги “Контрпроцесс Троцкого: Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг.” (М., “ЛЕНАНД”, 2017) пронизательный учёный с мировым именем С. С. Дзарасов пишет:

“Контрпроцесс со всей отчётливостью обнажил тот факт, что целью московских судебных спектаклей, главным режиссёром которых выступал Сталин, было не что иное, как дискредитация, а затем ликвидация организаторов Октябрьской революции. Едва заметная фигура Сталина неотступно маячила из-за кремлёвских кулис, и он невидимой рукой дирижировал тем, что происходило на сцене. Это была задача чрезвычайной сложности, и надо было обладать особым зловещим даром постановки подобной всемирно-исторической драмы” (Указ. соч., С. 44).

Недостатки и ошибки

Как и всякий революционер, Троцкий ради счастливого будущего не всегда считался с настоящим. Абстрактная любовь к человечеству для него не сопровождалась бережным отношением к каждому конкретному индивиду. Он не испытывал особых угрызений совести от того, что из-за его распоряжений, иногда и ошибочных, гибли люди. Ему доставляло удовольствие ощущать себя вершителем судеб. Даже к близким людям он подчас относился с прохладцей. Отношения с родителями не заладились ещё с юных лет. На похороны матери он не приехал, а когда после Октября на отца пошли гонения, ничем не помог ему, хотя и мог. Свою первую жену с двумя дочерьми он оставил в ссылке и больше не проявлял заботы о них. Настоящих друзей у него никогда не было. С Лениным, пригласившим его за рубеж, давшим работу и установившим ценные контакты, он вскоре испортил отношения, называл его “бойким статистом”, “Максимилианом Лениным”, по аналогии с Робеспьером, и прочими нелестными эпитетами, а затем переметнулся к его противникам, с которыми, впрочем, тоже испортил отношения.

После обвинений в самых тяжких преступлениях изгнанному из СССР Троцкому отказывали в местожительстве почти все страны. В Мексике нашёлся один доброхот, его почитатель, известный художник Диего Ривера. Используя свои связи в правительственных верхах, он добился разрешения на въезд Троцкого в страну и приютил его с семьёй в своём доме. И что же? “Дон Жуан революции” вскоре нашёл своеобразный способ отблагодарить своего благодетеля: вступил в связь с женой мексиканца, тоже художницей – Фридой Кало.

В ленинском “Завещании” Троцкий охарактеризован как “самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и увлечением чисто административной стороной дела”. Последняя часть требует пояснения. В хозяйственной жизни Троцкий ратовал за использование военных методов, применявшихся им на посту руководителя Красной армии. Он выступал за милитаризацию труда и, обрушиваясь на “рабочую оппозицию”, защищал командно-административные методы, которые позже примет на вооружение Сталин. В одном из “Приказов-памяток” Троцкого по трудовым армиям говорилось: “Неутомимая энергия в работе – как в походе,

как в бою... Командиры и комиссары отвечают за свои части в работе, как и в бою... Коммунистические ячейки должны быть образцом выдержки и настойчивости в работе... Дезертир в труде так же презренен и бесчестен, как и дезертир в бою. Обоим суровая кара... Работу начинайте и оканчивайте, где возможно, под звуки социалистических гимнов и песен, ибо ваша работа – не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству” (Правда. 1920. 16 января). Милитаризация труда вызвала сравнения Троцкого с Араччеевым в царской России и эксплуатацией невольников в Древнем мире.

Троцкий обосновывал свои идеи необходимостью перехода к единому хозяйственному плану развития страны. По марксистским схемам, плановое общественное производство и распределение приходят на смену рыночному хозяйству. Однако между “военным коммунизмом” и подлинно марксистским представлением об обществе будущего мало общего. И позже Троцкий придерживался леворадикальных взглядов. Он призывал к сворачиванию нэпа, тем самым отрицая необходимость использования рыночных регуляторов в строительстве нового общества, выступал за сверхбыстрые темпы роста в промышленности, что можно было тогда провести лишь за счёт интересов крестьянства.

После смерти Ленина Троцкий во многом сам помог Сталину и его тогдашним союзникам одержать победу над ним. Совершенно не вовремя он отошёл от злободневных вопросов жизни страны и партии, ударился в литературную деятельность, брал отпуска по болезни, хранил долгое молчание при обсуждении текущей политики. Его частые подтверждения и одобрения правильности решений ЦК, недопустимости фракций, согласие с линией партийного руководства создавали впечатление признания им вины. Близкий друг Троцкого Иоффе в письме, написанном перед самоубийством в 1927 году, отмечал, что главная слабость Троцкого состояла в том, что он не упорствовал в своей мудрости, особенно когда быть мудрым означало быть одиноким. В роковое для его судьбы время Троцкий явно переоценил свою моральную власть над сознанием людей, свою известность и популярность. Он был уверен в своей неуязвимости и после смерти Ленина, тогда как поражение неумолимо надвигалось.

Не оправдался и расчёт Троцкого на мировую революцию. Капитализм впитал в себя ряд достоинств социализма, в частности, государственное регулирование и планирование экономики, поднял уровень жизни трудящихся в его цитаделях так, что классовые антагонизмы заметно снизились. Мировая практика показала, что теория перманентной революции утопична и не соответствует действительности. Но у Троцкого не хватило решимости отказаться от устаревших догм. Критика сталинской концепции о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой стране также не была убедительной и не оправдала себя. Опыт сегодняшнего Китая свидетельствует как раз об обратном. Обожествляя марксизм, Троцкий не увидел в этой гениальной научной доктрине слабых или недостаточно разработанных сторон. Поэтому он чрезмерно полагался на силовые методы преобразования общества и всего мира. А позже, напротив, ополчился на бюрократическое перерождение советской власти и бесконтрольность её правящей элиты, не видя в этом логического продолжения той самой командно-административной системы, за которую выступал прежде.

Кем же был этот выдающийся, хотя и не лишённый многих недостатков человек, сыгравший столь значительную роль в истории великой русской революции?

Родственник Пушкина?

Троцкий – один из псевдонимов Льва (Лейбы) Давидовича Бронштейна, из озорства вписанный им в поддельный паспорт летом 1902 года во время побега из Сибири – ему вспоминалась тогда фамилия старшего надзирателя Одесской тюрьмы, где он проходил по этапу. Он появился на свет 26 октября (7 ноября) 1879 года в семье Давида Леонтьевича Бронштейна и Анны Львовны (в девичестве Животовской), выходцев из Полтавской губернии. Есть предположение, правда, оспариваемое, что Троцкий приходится внучатым родственником Пушкину и является одним из потомков внебрачной связи гения

с красавицей-полячкой Анжеликой Дембинской. Как и у Пушкина, у Трощкого случались беспричинные обмороки, был нервный тик в левом углу рта, имелись и другие совпадения наследственных признаков: подагра – типично “барская” болезнь, близорукость, желудочно-кишечные неприятности. Кроме того, старшего сына в семье Бронштейнов назвали Александром, второго – Львом, сестру Ольгой – точно так же, как и в семье Пушкиных.

Его отец – Давид Леонтьевич – сделался состоятельным человеком, владевшим и арендовавшим многие сотни десятин земли на юге Украины в Херсонской губернии. Он был фактическим хозяином деревни Яновка, где владел мельницей, пивоварней, кустарными предприятиями и осуществлял скупку и продажу зерна и других продуктов.

“Моё детство, – вспоминает Трощкий, – не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих оставаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. . . Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки” (Трощкий Л. Д. Моя жизнь. С. 22).

В 1888 году Трощкий поступил в подготовительный класс реального училища Святого Павла в Одессе, где был первым учеником, а жил и воспитывался в семье своего двоюродного брата по материнской линии – Моисея Филипповича Шпенсера и его жены Фанни Соломоновны – родителей поэтессы Веры Инбер. Новое окружение его полюбило, и мальчик отвечал им теплотой и благодарностью. Был, правда, один казус: вскоре после переезда к ним Лев продавал несколько дорогих книг из библиотеки, чтобы купить конфет.

Поскольку седьмого класса там не было, он в 1896 году переводится в реальное училище в Николаеве. Как-то он познакомился с Францем Швиговским, чехом по происхождению, человеком начитанным и внимательно следившим за политикой. Тот арендовал фруктовый сад на окраине города, где построил небольшой домик, в котором организовал дискуссионный клуб для радикально настроенных учащихся и рабочих. Здесь велись разговоры на вольные темы, сводящиеся, в первую очередь, к усовершенствованию российского жизнеустройства. Трощкий проникается народническими взглядами, знакомится с марксисткой Александрой Соколовской – своей будущей женой. Как пишет хорошо знавший его тогда Г. А. Зив: “Обладая блестящей памятью, он умел на лету схватывать доводы своих соперников и противников, быстро ассимилировать нужное ему и тут же преподносить слушателям продукт своей талантливой импровизации, заполняя пробелы прочным цементом непобедимой логики” (Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Трощкий. Книга первая. Революционер. М, ЗАО “Издательство Центрполиграф”, 2012. С. 44).

Находясь на каникулах в отчем доме в Яновке, Лев рассуждал о свободе и свержении самодержавия. “Послушай, мальчик, этого не будет ещё и через триста лет!”* – уверял отец, наслушавшийся об “опасных связях” сына. Возникает раздор, и сын заявляет, что волен выбирать друзей по собственному вкусу, а от материальной помощи родителей отказывается. Вскоре он переселяется к Швиговскому. “Здесь мы шестером жили “коммуной”. Летом число наше увеличивалось одним-двумя туберкулёзными студентами, искавшими чистого воздуха. Я стал давать уроки. Мы жили спартанцами, без постельного белья, и питались похлёбками, которые сами готовили. Мы носили синие блузы, круглые соломенные шляпы и чёрные палки. В городе считали, что мы примкнули к таинственной секте. Мы беспорядочно читали, неистово спорили, страстно заглядывали в будущее и были по-своему счастливы” (Трощкий Л. Д. Моя жизнь. С. 110).

По окончании на все пятёрки Николаевского училища, он по настоянию родителей поступает на математический факультет Одесского университета, но там пребывает недолго и возвращается к Швиговскому в Николаев. Постепенно он всё больше склоняется к марксизму и приходит к выводу, что пора переходить от слов к делу. Весной 1897 года Лев организывает сеть рабочих кружков под названием “Южно-Русский рабочий союз”, надеясь втянуть в не-

* Сын напомнил эти слова отцу спустя много лет, когда тот, потерявший в революции всё, что нажил, после Октября появился у него на квартире в Кремле.

го и другие города. Подпольные чтения и беседы проводились в трактирах и в лесу. Добыли гектограф, стали печатать прокламации, а затем и газету “Наше дело” тиражом в 200–300 экземпляров. Писал, главным образом, он сам. “Весь город говорил под конец о революционерах, которые наводняют заводы своими листовками. Наши имена называли со всех сторон. Но полиция медлила, не веря, что “мальчишки из сада” способны вести такую кампанию, и предполагая, что за нашей спиной стоят более опытные руководители. Они подозревали, по-видимому, старых ссыльных. Это дало нам два-три лишних месяца. Но, в конце концов, слежка за нами приняла слишком явный характер, и жандармы узнавали неизбежно один кружок за другим” (Там же. С. 120-121).

Первый тюремно-эмиграционный цикл

В январе 1898 года были произведены массовые аресты, а “союз” разгромлен. Начались скитания Троцкого по местам не столь отдалённым. Выше года он провёл в тюрьмах Николаева, Херсона, Одессы и Москвы. Суд приговорил Троцкого к четырём годам ссылки в Восточную Сибирь. В это время он окончательно сошёлся с А. Соколовской, хотя родители возражали против их брака. К осени 1900 года молодая семья — у них к этому времени появилась дочь Зина — обосновалась в селе Усть-Кут Иркутской губернии. Там Троцкий встретился с Ф. Э. Дзержинским и М. С. Урицким, другими молодыми революционерами, которым в грядущем предстояло играть крупную роль в истории страны. Во время ссылки марксизм окончательно стал для него основой мировоззрения и методом мышления. Он штудирует “Капитал” К. Маркса, “Развитие капитализма в России” Ленина, сотрудничает в иркутской газете “Восточное обозрение”. “Я просиживал ночи, — пишет он, — чёрная свои рукописи вкривь и вкось в поисках нужной мысли или недостающего слова. Я становился писателем” (Там же. С. 133). Он входит в контакт с местными социал-демократическими организациями, пишет для них воззвания и листовки. Через них же устанавливается связь с заграницей.

В это время Троцкий с пополнившейся семьёй — у них родилась ещё дочь Нина — переехал в Верхоленск, откуда в августе 1902 года решился на побег. Жена, несмотря на то, что осталась с двумя маленькими детьми, поддержала его. В дальнейшем Троцкий и Соколовская почти не встречались, хотя, по его словам, навсегда “сохранили идейную связь и дружбу”.

Троцкий остановился в Самаре, где размещался тогда российский центр газеты “Искра” под началом Г. М. Кржижановского, который сообщил Ленину о молодом таланте, обладающем несомненным литературным даром и потому получившем, с лёгкой руки Глеба Максимовича, псевдоним “Перо”. По поручению самарского бюро “Перо” направлялся в Киев, Харьков и Полтаву для связи с местными “искровцами”. Вскоре Ленин приглашает его приехать в эмигрантскую штаб-квартиру “Искры”, располагавшуюся в Лондоне. Снабжённый небольшой суммой денег, он вскоре нелегально переходит русско-австрийскую границу и в октябре 1902 года добирается до адресата.

Наряду с Плехановым, Ленин уже считался признанным лидером российской социал-демократии. Он оценил дарования Троцкого, сразу же включил его в дела и дал поручения. Троцкий выступает с докладами на собраниях эмигрантов и быстро обретает известность. Позже он напишет: “Приехал я в Лондон большим провинциалом, и притом во всех смыслах. Не только за границей, но и в Петербурге я до того никогда не бывал. В Москве, как и в Киеве, жил только в пересыльной тюрьме”. По воспоминаниям А. В. Луначарского: “Заграничную публику Троцкий поразил своим красноречием, значительным для молодого человека образованием и апломбом... Очень серьёзно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыплёнок, а орлёнок”. Троцкий побывал в Брюсселе, Львове и Париже, где познакомился со студенткой Натальей Седовой — своей будущей второй женой, тоже революционеркой.

С ноября 1902 года началось сотрудничество Троцкого в “Искре”, которое продолжалось два с лишним года. За это время Троцкий опубликовал в ней

свыше 30 статей. Ленин предложил Плеханову кооптировать его в состав редколлегии газеты. Состоявшая из шестерых, она при обсуждении спорных вопросов распалась на две тройки: ветеранов социал-демократии – Плеханов, Аксельрод, Засулич и молодых членов – Ленин, Мартов, Потресов. Однако предложение не прошло. Ленинская креатура не понравилась основоположнику русского марксизма, заявившему, что “статьи Троцкого с их цветистой риторикой снижают уровень газеты”. Директивный центр российского социализма и бастион зарождавшейся партии состоял из влиятельных и выдающихся, но весьма противоречивых личностей, что в июле 1903 года привело к его расколу на большевиков и меньшевиков в ходе состоявшегося в Брюсселе второго съезда РСДРП.

В ходе съезда Троцкий всецело поддержал линию “Искры” по ряду вопросов, но при обсуждении первого параграфа Устава партии неожиданно не принял твёрдую ленинскую формулировку, усмотрев в ней стремление создать секту заговорщиков, а не партию рабочего класса. Такой демарш произвёл на Владимира Ильича удручающее впечатление. Троцкого к тому времени называли “дубинкой Ленина”. Теперь она обратилась против него самого. Ленин объяснял Троцкому, что если партия, как предлагал Мартов, раскроет свои двери всем желающим – и для “работающих”, и для “болтающих”, – то в её ряды вольются слабые элементы. А нужно организовать “авангард пролетариата”, обладающий классовым сознанием. Но это не воздействовало, во всяком случае, сразу. Троцкий не оценил тогда в полной мере величие и дальновидность ленинского ума. Кроме того, с “мягким” Мартовым он тесно общался, так как они жили в одном доме.

Первая брошюра Троцкого “Наши политические задачи” (1904) фактически представляла собой манифест российского меньшевизма. В ней пророчески предсказывалось будущее большевизма: “Аппарат замещает партию, Центральный Комитет замещает аппарат и, наконец, диктатор замещает Центральный Комитет”. Однако вскоре у Троцкого не сложились отношения и с лидерами меньшевиков. Заняв позицию в промежуточном поле между обеими фракциями, он стал чужим среди своих, а его попытки примирить и объединить их оказались безнадёжным делом.

Начавшаяся в 1905 году первая русская революция вернула Троцкого на Родину, где в разгар октябрьской стачки он стал заместителем председателя Петербургского Совета рабочих депутатов, а вскоре и возглавил его. Здесь раскрылись сильные стороны его как политического деятеля, организатора масс и публициста. Но руководить Советом Троцкому пришлось недолго – 3 декабря прямо на заседании весь исполком во главе с председателем был арестован. Это стало политическим событием первой величины, а Троцкого называли не иначе, как особо опасным государственным преступником.

Тур второй

До отправки в ссылку Троцкий опять провёл в тюрьме больше года, побывал в столичных “Крестах”, а потом в Петропавловской крепости. Находясь там, много читал и писал: адвокаты выносили рукописи в своих портфелях. К этому времени относится первое обоснование им теории “перманентной революции”. В заключительной главе книги “Наша революция” говорится: “В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой”. Вместе с тем, по его мнению, в России в связи с малочисленностью пролетариата и преобладанием мелкобуржуазного по своему характеру крестьянства, социалистическая революция победит только в том случае, если пролетариат Запада окажет ей поддержку: “Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить своё временное господство в длительную социалистическую диктатуру” (Дойчер И. Указ. соч. С. 170). Через двадцать лет Сталин по этому поводу скажет, что Троцкий “недооценил” внутренние ресурсы и жизнеспособность революции в России.

Состоявшийся суд вынес Троцкому суровый приговор – пожизненное поселение в Сибирь и лишение всех гражданских прав. В начале января 1907 года

группу сильных доставили на вокзал, загнали в тюремный вагон с решётками и отправили в Тюмень, откуда сильные отправились на санях на север, в Тобольск, что заняло больше трёх недель. Там известили, что их везут в штрафную колонию в Обдорск (ныне Салехард) за Полярным кругом. Оттуда до железной дороги — почти полторы тысячи верст, а до ближайшей почтовой станции с телеграфом — восемьсот. На тридцать пятый день пути Троцкий решился на побег. Риск был немалый — за это карали каторгой. За пару золотых червонцев и трехлитровый баллон спирта был найден местный пьяница-оленовод, знавший дорогу в тундре и доставивший беглеца за 10 дней до Урала. Там он сел в поезд, следовавший до Петербурга, где пробыл несколько дней, и прежде чем полиция напала на его след, перебрался в Финляндию. В то время там находились Ленин и Мартов, сердечно встретившие его и высоко оценившие его поведение и речи на судебном процессе. В конце апреля он прибыл в Лондон на пятый съезд РСДРП.

Здесь Троцкий вновь держится обособленно от обеих фракций, призывает к единству и продолжает позиционировать себя как “нефракционный социал-демократ”. По окончании съезда летом 1907 года он уехал в Берлин, где его тепло встретила интеллектуальная элита немецких социалистов. Здесь он познакомился с Карлом Каутским, дом которого стал его берлинским приютом, Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Карлом Либкнехтом, другими видными деятелями. Через некоторое время он перебрался в Вену.

В 1912 году на Пражской конференции РСДРП Ленин окончательно взял курс на выделение большевистской фракции в самостоятельную организацию. Попытка Троцкого противодействовать этому с помощью организованной им в Вене партийной конференции под объединительными лозунгами — “Августовский блок” — не увенчалась успехом. Раздосадованный этим, он принимает предложение редактора газеты “Киевская мысль” и как военный корреспондент отправляется на два года писать репортажи с фронтов первой и второй Балканских войн. Этот опыт даст ему представление об армии и военных действиях и пригодится в дальнейшем.

С началом мировой войны, опасаясь, что как подданный России он будет интернирован австрийскими властями, Троцкий перебирается в нейтральную Швейцарию, а оттуда в Париж. Газета “Киевская мысль” назначает его своим парижским корреспондентом, что помогает решить возникшие материальные проблемы. Он печатается и в газете “Голос”, редактируемой Мартовым. Однако его позиции всё больше тяготеют к Ленину, выступающему против шовинизма, за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Троцкий ратует за то, чтобы собрать воедино силы нового Интернационала. “Его мысль шла параллельно ленинским идеям и почти наверняка была вдохновлена ими, ибо Ленин сформулировал их несколько раньше”, — отмечает И. Дойчер (Указ. соч. С. 228). Он также становится соредактором газеты “Наше слово”, которая проводила активную революционную линию.

В сентябре 1915 года вместе с Лениным и Мартовым Троцкий принимает участие в международной конференции социалистов в Циммервальде — швейцарской деревушке под Берном. Его попросили сформулировать принципы, которые вскоре стали известны как Циммервальдский манифест. В нём он возложил ответственность за войну на капиталистический строй и призвал рабочих проснуться от шовинизма и положить конец войне.

Год спустя “Наше слово” запретили за пацифистскую пропаганду. Одновременно парижская полиция объявила Троцкому о высылке за пределы страны. Великобритания, Италия, Швейцария и скандинавские страны принимать его отказались, и он был принудительно препровождён в Испанию. Но и там Троцкого вскоре задержали как “опасного анархиста”, решив выслать на Кубу. После бурных протестов он всё же добился позволения на отбытие в Нью-Йорк, куда прибыл 13 января 1917 года. Его с овациями и почестями встретила группа российских поселенцев. За океаном Троцкий общается с Н. И. Бухариным, А. М. Коллонтай, В. Володарским. Они издавали в Америке газету “Новый мир”, и Троцкий сразу же становится одним из главных её авторов.

Весть о Февральской революции взбудоражила русскую колонию, митинги шли без остановки, и Троцкий был их звездой. Публика жаждала услышать его мнение о том, что происходит в России. А он, в частности, говорил: “Могучая лавина революции в полном ходу — никакая сила человеческая её

не остановит... Пласт за пластом будет теперь подниматься страна — все угнетенные, обездоленные, обобранные... Во главе народных масс России революционный пролетариат выполнит свою историческую работу: он изгонит монархическую и дворянскую реакцию из всех её убежищ и протянет свою руку пролетариату Германии и всей Европы. Ибо нужно ликвидировать не только царизм, но и войну” (Там же. С. 254).

27 марта Троцкий с женой, а также небольшой группой эмигрантов отплыли из Нью-Йорка. Однако поездка затянулась в связи с арестом их британскими властями в Галифаксе (Канада). Лишь в конце апреля Троцкий и его компаньоны, благодаря широкой кампании по их освобождению, были отпущены. Они продолжили свой путь в Россию через Швецию и Финляндию и 4 мая прибыли в Петербург.

В России 17-го года

Вступив на российскую землю, где не был 10 лет, Троцкий отправился в Смольный институт на заседание Петроградского Совета, где по предложению большевиков его сразу же ввели в исполком. В то время в стране существовало двоевластие. Партии, сформировавшие Временное правительство во главе с князем Львовым, пытались ограничить революцию свержением Николая II и, по возможности сохранив монархический строй, продолжить войну. Рабочие и солдаты, следовавшие за Советами, напротив, надеялись на скорейшее заключение “демократического мира без аннексий и контрибуций”. Львов силился запустить старый административный механизм, унаследованный от самодержавия, в то время как солдаты и рабочие считали настоящей властью Советы. Эсеры и меньшевики рассчитывали на то, что новая система управления соединит в себе и старую администрацию, и Советы. Правительство хотело оградить земельную собственность от посягательств, а крестьяне требовали поделить помещичьи владения. Эсеры и меньшевики старались отсрочить решение этого жизненно важного вопроса до созыва Учредительского собрания, который, в свою очередь, тоже постоянно откладывался.

В речи на Петроградском Совете Троцкий заявил: “Россия открывает новую эпоху, эпоху крови и железа, но уже в борьбе не наций против наций, а класса страдающего и угнетённого против классов господствующих”. И далее в ленинском духе: “Я думаю, что следующим вашим шагом будет передача всей власти в руки рабочих и солдатских депутатов. Только единовластие спасёт Россию”. А закончил словами: “Да здравствует русская революция как пролог к мировой революции” (Там же. С. 264).

С особым теплом Троцкого встретила “межрайонная” группа, вдохновителем которой он явился несколькими годами ранее. Ассоциация социал-демократов не претендовала на роль отдельной партии и проводила курс оппозиции войне и Временному правительству. Она была не столь многочисленной, но в неё входило немало ярких фигур. Вскоре большевики и межрайонная организация встретились, чтобы обсудить предполагаемое слияние. Ленин предложил “межрайонцам” места в руководящих органах большевиков и редколлегии “Правды”. Но Троцкий хотел объединиться под новым названием, и дело не вышло. Ленин гордился созданной им партией, насчитывавшей к тому времени около 200 тысяч человек, и считал, что Троцкий и его товарищи должны вступить в его партию. Когда чуть позже у Ленина спросили, что не даёт им с Троцким соединиться, несмотря на их полное согласие друг с другом, он ответил: “А вы не знаете? Амбиции, амбиции, амбиции”. Несколькими месяцами позже это всё же произойдёт, и Ленин скажет, что нет лучшего большевика, чем Троцкий.

Массы стремительно левели, а вместе с ними и Троцкий, чья популярность набирала силу. Через месяц после приезда его фигура обрела небывалый блеск. Как писал Луначарский: “Под влиянием её (агитационной работы) огромного размаха и ослепительного успеха некоторые близкие Троцкому люди даже склонны были видеть в нём подлинного вождя русской революции. Так, покойный М. С. Урицкий... говорил как-то мне и, кажется, Мануильскому: “Вот пришла великая революция, и чувствуется, что, как ни умён Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого”. Эта оценка, продолжал Луначарский, оказалась неверной не потому, что преувеличивала дарования

и мощь Троцкого, а потому, что в то время ещё неясен был масштаб государственного гения Ленина.

Излюбленным местом выступлений Троцкого была военно-морская база, расположенная неподалёку от столицы, и цирк “Модерн”, где он почти каждый день выступал перед огромными аудиториями. Со своей трибуны он иногда ловил взволнованные взгляды своих присутствовавших дочерей от первого брака. В этой обстановке Троцкий чувствовал себя, как рыба в воде. Как пишет его биограф: “Он говорил на злободневные темы и разъяснял цели революции с обычной для него логикой и простотой, но он же впитывал дух толпы, её обострённое чувство справедливости, её желание всё видеть чётко и ясно, её напряжение и ожидания. Позднее он вспоминал, как при одном взгляде на толпу слова и доводы, которые он давно приготовил, отступали и растворялись в его мозгу, и как бы из подсознания приходили другие слова и доводы, неожиданные для него самого, но отвечающие потребностям слушателей. Тогда его собственный голос казался ему чужим, он говорил, стараясь не отстать от стремительного прилива мыслей и фраз и боясь, что, как лунатик, может вдруг проснуться и сорваться. Здесь политика переставала быть очищенной квинтэссенцией уединённых размышлений или споров в узком кругу профессиональных политиков. Он эмоционально сливался с тёплой человеческой массой, становился её средством выражения. Его стали до такой степени отождествлять с цирком “Модерн”, что, когда он возвращался в Таврический дворец или Смольный, где заседал Совет, и обрушивался на своих оппонентов или спорил с ними, ему кричали: “Здесь вам не цирк “Модерн”!” (Дойчер И. Указ. соч. С. 271).

На первом Всероссийском съезде Советов в начале июня Троцкий блокируется с большевиками, в частности, в осуждении готовившегося Керенским наступления русской армии на фронте. Тогда ещё не ставилась задача свержения правительства. Лозунгом было “Долой десять министров-капиталистов” (шестеро остальных были социалистами). Особую активность Троцкий развил в июльские дни. Оценивая соотношение сил, он вместе с Лениным и другими лидерами РСДРП(б) предостерегал рабочие и солдатские массы от опрометчивых шагов, в частности, от преждевременного проведения антивоенной демонстрации 4 июля, которая ставила целью низвержение Временного правительства.

Но процесс уже пошёл, и чтобы удержать движение в русле мирной демонстрации, ничего не оставалось, как возглавить его. Тем не менее, произошло несколько уличных столкновений, пролилась кровь. Пришедшая весть о провале наступательной операции на фронте не только взбудоражила массы, но и подлила масла в огонь реакционных сил, обвинивших большевиков в том, что их агитация подорвала боевой дух армии и подготовила разгром. Этим не ограничились. Правая пресса опубликовала “документы”, якобы свидетельствующие о том, что Ленин и ряд других лиц были платными агентами германского Генштаба. Издали приказы об аресте большевистского руководства. Фальшивые данные предоставил некий Ермоленко, который оказался бывшим доносчиком, состоящим на службе в военной контрразведке. “Правду” закрыли, а её редакцию разгромили. Ленин был вынужден скрыться. Троцкий решил остаться, но через две недели и его посадили, и он оказался снова в “Крестах”.

Операция Октябрь

В конце августа произошёл мятеж, выразивший интересы консервативных сил. Назначенный главнокомандующим генерал Корнилов объявил войну революции и правительству и отдал войскам приказ идти на столицу. В случае его победы Троцкому и другим подобным узникам не поздоровилось бы. Но Керенский решил в противовес выставить левые силы и воспользоваться их влиянием на военных. 4 сентября Троцкого освободили, и он прямо из тюрьмы отправился в Смольный, чтобы принять участие в заседании “Комитета по борьбе с контрреволюцией”, сформированного Советом с благословения Керенского. Этот орган станет прототипом Военно-революционного комитета, возглавившего Октябрьское восстание. Корнилов был

побеждён не силой оружия, а большевистской агитацией. Войска оставили его, не сделав ни одного выстрела. Не напоминают ли эти события то, что случилось у нас летом 1991 года?

Неудавшийся мятеж сместил центр тяжести в пользу большевиков и продолжения революции. 23 сентября Петроградский Совет выбрал Троцкого своим председателем. Получив перевес, большевики понимали, что час решительных действий настал. Троцкий мыслил приурочить переворот ко второму съезду Советов. Опасаясь нового наступления со стороны крайней реакции, Ленин торопил события. Но Троцкий считал, что для дела будет лучше, если власть перейдёт не к партии, а к Советам, представлявшим более широкую коалицию и форму конституционной власти. К этому времени межрайонная организация уже влилась в партию большевиков (произошло это, когда он сидел в “Крестах”, его тогда избрали и в ЦК).

К началу октября кризис достиг новой силы. Росла хозяйственная разруха. Города снабжались из рук вон плохо. Повсеместно крестьяне захватывали помещичьи земли и жгли усадьбы. Армия терпела поражение. Казалось, что и Петроград открыт для вражеского нападения. 6 октября Троцкий выступил на заседании Совета в присутствии делегатов от всех полков Петроградского гарнизона и заявил: “Если Временное правительство не способно защитить Петроград, то оно обязано либо заключить мир, либо уступить своё место другому правительству”.

Керенский планировал передислокацию войск якобы для укрепления фронта, а на самом деле хотел удалить из Петрограда самые революционные полки. В противовес Троцкий объявил, что ослабление гарнизона подвергнет столицу опасности немецкого вторжения. Между тем, он занимался подготовкой к восстанию. 9 октября он призвал вмешаться в вопрос о переброске войск. В тот же день на заседании исполкома Совета Троцкий сформирован и возглавил Военно-революционный комитет (ВРК), который формально появился для того, чтобы от имени Совета взять на себя руководство обороной города, а на самом деле стал главным инструментом восстания.

На следующий день состоялось заседание ЦК партии большевиков. На него прибыл загримированный до неузнаваемости Ленин. Руководители партии после серьёзных дебатов приняли решение в пользу начала восстания десятью голосами против двух (Зиновьев и Каменев). 16 октября полки гарнизона объявили, что они не подчинятся приказу Керенского и останутся в Петрограде. Это было “тихое восстание”, которое предопределило исход борьбы. В тот же день Троцкий подписал приказ о том, чтобы арсеналы выдали 5 тысяч винтовок. Тотчас же состоялось новое заседание ЦК, где была указана дата и намечены практические методы взятия власти.

К 23 октября у ВРК был готов детальный план операции. Отборные отряды быстро занимали все стратегические пункты столицы. Связь между штабом повстанцев и гарнизоном работала безупречно. Совет обладал подавляющим превосходством в силе. Троцкий ждал лишь провокации со стороны Керенского, которая позволила бы ему начать восстание как оборонительную операцию. В этот день Керенский запретил газету “Рабочий путь” (под этим названием стала выходить “Правда” после июльских дней) и приказал закрыть её редакцию и типографию. Тогда Троцкий отправил вооружённый отряд охранять большевистские объекты. Это был пробный шар, запущенный на рассвете 24 октября. На следующее утро газеты в один голос заговорили о том, что Керенский намеревается подать Совет и большевистскую партию. Стало ясно, что медлить больше нельзя. Смольный переоборудовали в крепость, распределили обязанности. Троцкий предложил, чтобы в том случае, если большевиков выбьют из Смольного, штаб восстания перебрался в Петропавловскую крепость, гарнизон которой он уже переманил на свою сторону.

В то время Керенский отважился на уже запоздалые угрозы: заявил, что отдаст приказ предъявить обвинение всему ВРК, заново объявить Ленина в розыск, арестовать Троцкого и других большевистских руководителей. Троцкий отменил приказы Керенского и, отдав указание крейсеру “Аврора” стоять наготове, возгласил: “Завтра откроется съезд Советов. Задача гарнизона и пролетариата – предоставить в распоряжение съезда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокация. Задача наша – донести эту силу до съезда нерасколотой, неущербленной... Если мнимая власть сделает

азартную попытку оживить собственный труп, то народные массы, организованные и вооружённые, дадут ей решительный отпор, и отпор этот будет тем сильнее, чем сильнее будет наступление реакции. Если правительство 24 или 48 часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар — ударом, на железо — сталью” (Троцкий Л. Сочинения. Т. 3, кн. 2. С. 51–53).

В ночь с 24 на 25 октября Красная гвардия и регулярные полки молниеносно и практически бесшумно заняли Таврический дворец, почты и железнодорожные вокзалы, Государственный банк, телефонные станции и другие стратегические объекты. Утром 25 октября Керенский уже бежал из столицы в машине иностранного посольства. К полудню Троцкий доложил ошеломлённому Петроградскому Совету, что министры помещены под арест, а весь город, кроме Зимнего дворца, находится под контролем.

Вечером 24-го числа в Смольный прибыл Ленин. “Хотя Троцкий, — замечает его биограф, — возглавил операцию и полностью провёл её так, как считал нужным, ленинское влияние сыграло решающую роль в её успехе. Исход дела зависел от позиции широких рабочих и солдатских масс, и Троцкий больше, чем кто-либо другой, сформировал их мнение. Но активисты восстания вышли из рядов большевистской партии, и на их умы гораздо большее воздействие оказал Ленин, основатель и бесспорный лидер партии, и продолжал оказывать даже из тайного убежища. Без его постоянных и настойчивых советов, без его предупреждений они, возможно, не стали бы слушаться приказов и распоряжений Троцкого. Ленин внушил им идею восстания прежде, чем они приступили к осуществлению восстания по плану Троцкого. Но, только воочию увидев происходящее, Ленин, наконец, безоговорочно признал в Троцком великого партнёра в грандиозном предприятии” (Дойчер И. Указ. соч. С. 319).

Вечером 24 октября эти два человека отдыхали на полу тёмной, пустой комнаты, примыкающей к большому залу Смольного, где вскоре должен был открыться съезд Советов. Троцкий упал в обморок от усталости и теперь пытался хоть немного поспать. Но сон не шёл, так как помощники и курьеры непрестанно стучали в двери. Съезд открылся под аккомпанемент холостого выстрела “Авроры” по Зимнему дворцу. Большевистская партия обладала почти двумя третями голосов, а вместе с левыми эсерами — около трёх четвертей. Места за столом нового президента заняли 14 большевиков и 11 представителей других партий. Проигравшие партии тут же возопили против восстания и штурма Зимнего дворца. Меньшевики потребовали создания коалиционного правительства, что было отвергнуто. Тогда они объявили бойкот и стали расходиться.

В ответе Мартову, упрекнувшему организаторов переворота в заговоре, Троцкий заявил: “Восстание народных масс не нуждается в оправдании; то, что произошло, — это не заговор, а восстание. Мы закаляли революционную энергию петроградских рабочих и солдат, мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю, с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение? Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение как равноправные стороны миллионы рабочих и крестьян... Нет, тут соглашение не годится... вы жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!” (Там же. С. 321).

В феврале потребовалось около недели, чтобы свергнуть царя, а низложение Временного правительства заняло всего лишь несколько часов. При этом большевики овладели столицей без кровопролития. Один из враждебных очевидцев Октября генерал-майор Альфред Нокс свидетельствовал, что число жертв составило около 10 человек. Через год 6 ноября 1918 года Сталин в “Правде” заметит: “Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом пролетариата на сторону Советов и умелой постоянной работой Военно-

революционного комитета партия обязана, прежде всего и главным образом, Троцкому”.

А как оценивал свою роль сам Троцкий? “Если бы меня не было в 1917 году в Петрограде, Октябрьская революция всё равно совершилась бы – при условии присутствия и руководства Ленина. Но если бы в Петрограде не было ни меня, ни Ленина, не было бы и Октябрьской революции...” (Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., “Прогресс”, 1990. С. 80).

В верховной власти

Съезд законодательно закрепил переход власти к большевикам, принял декреты о мире и о земле. Утвердили первое советское правительство, выбранное исключительно из большевиков и состоявшее из 15 человек. По предложению Троцкого оно было названо Советом Народных Комиссаров. Ленин предложил Троцкому его возглавить. Он из уважения к политическому старшинству Ленина отказался и принял предложение руководить комиссариатом по иностранным делам. Но жизнь распорядилась так, что ему одновременно пришлось заниматься и многим другим.

Через несколько дней Керенский и генерал Краснов повели войска на взятие Петрограда, и Троцкий вернулся к обязанностям председателя ВРК, организовав оборону столицы. 30 октября он лично прибыл на Пулковские высоты, где состоялось решающее столкновение между революционными силами и казаками генерала. Через два дня они сдались, а Краснов был взят в плен. Троцкий отпустил Краснова под честное слово, но потом пожалел об этом, так как генерал вскоре снова взялся за оружие. Затем на Дону начали действовать первые отряды Белой гвардии, очаги гражданской войны вспыхивали и в других местах. Троцкий немало сил тратил и на урегулирование внутривнутриполитических проблем. Против него и Ленина – двух признанных вождей революции – по вопросу состава правительства выступали представители меньшевиков и других партий.

В условиях ещё не сформировавшейся новой государственной власти подчинявшийся Петроградскому Совету ВРК до своего самороспуска в декабре фактически был единственной реальной силой. В его распоряжении находились силы красной гвардии, революционных солдат и балтийских матросов. ВРК пришлось закрыть ряд газет, так как они открыто призывали к вооружённому сопротивлению. Силами ВРК было организовано и снабжение города продовольствием.

В середине ноября немецкое Верховное командование согласилось отдельно начать переговоры о перемирии, и в декабре Троцкий выехал в Брест-Литовск. Здесь он впервые живьём столкнулся с представителями европейского империализма и милитаризма. Соотношение сил складывалось не в пользу России, где после революции солдаты спешили домой, к переделу земли. По вопросу допустимых уступок немцам мнения в большевистском руководстве раскололись на два крайних лагеря. Ленин выступал за скорейшее подписание договора на предлагаемых немцами условиях. Бухарин и многие другие, напротив, не желали соглашаться с требованиями германской стороны и ратовали за продолжение военных операций. Хотя “промежуточная” платформа Троцкого – ни мира, ни войны: договора не подписываем, войну прекращаем, а армию демобилизуем – получила одобрение большинства ЦК, её претворение в жизнь потерпело провал. Прав был всё же Ленин, соглашавшийся на мир даже на “похабных” условиях. Не желая терпеть дальнейшего затягивания переговоров, Германия в феврале 1918 года перешла в наступление. В итоге пришлось подписать ещё более унижительный договор. Троцкий глубоко пережил свою неудачу, хотя его усилия в целом и были положительно оценены ЦК.

В марте 1918 года на состоявшемся Чрезвычайном съезде Советов, ратифицировавшем Брестский договор, Троцкий оставил свою должность и стал комиссаром по военным и морским делам и председателем Высшего военного совета. Проявленные им вскоре в ходе подавления левозерского мятежа решительность и бескомпромиссность, готовность идти до конца в защите завоеваний Октябрьской революции, быстрота, чёткость в принятии необходимых мер произвели большое впечатление на Ленина, и о “брестских” разногласиях забыли.

150-тысячная добровольческая Красная армия была весьма далека от дисциплинированной военной машины и нуждалась в реорганизации. Троцкий меняет её, применяя традиционные принципы. Он восстанавливает единоначалие, знаки отличия, единую форму одежды, воинские приветствия и парады. Организует работу в Красной армии десятков тысяч царских офицеров и военных специалистов. Его методы временами были суровы. Первый смертный приговор пал на голову начальника морских сил Балтийского флота капитана 1-го ранга А. М. Щастного. Немалую известность получило и то, как Троцкий расправился с одним из полков, покинувших без приказа свои позиции: он приказал расстрелять не только командира и комиссара полка, но и каждого десятого красноармейца. “Нельзя строить армию, — уверял он, — без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни” (Троцкий Л. Моя жизнь. С. 393).

В августе 1918 года появился специальный “поезд Предреввоенсовета”, в котором с этого момента два с половиной года и жил Троцкий, непрерывно разезжая по фронтам гражданской войны. Он решал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал. Являлся на передовую и не раз подвергался опасности быть захваченным белогвардейцами. Своим присутствием и зажигательными речами он, как правило, изменял ситуацию в нужную сторону. Как отмечал один из свидетелей, “прибытие на какой-либо участок фронта поезда Троцкого было равносильно прибытию на фронт свежей дивизии”. К 1920 году Красной армии во главе с Троцким удастся добиться решающего перелома в ходе гражданской войны.

Однако ещё до её окончания он погрузился в проблемы хозяйственного восстановления страны, где пытался применить методы, выработанные и проверенные на военном поприще. Годы войн, революции и интервенции привели к полнейшему развалу российской экономики и распаду её социальной структуры. Советская власть стремилась установить строжайший контроль над скудными ресурсами, из чего вырос “военный коммунизм”. Большевики национализировали промышленность, запретили частную торговлю, отправили в деревни отряды рабочих, чтобы реквизировать продовольствие для армии и горожан. Неспособное собирать обычные налоги, правительство включало печатный станок, и деньги стремительно обесценивались.

Решением Совнаркома в 1919 году Троцкий назначается председателем межведомственной комиссии по вопросам трудовой повинности. Вначале он комплекует трудовые армии из прекративших боевые действия военных подразделений, а затем требует введение всеобщей трудовой повинности, стремится обеспечить максимальный сбор продразвёрстки, от которого всячески уклонялось крестьянство.

На IX съезде РКП(б) весной 1920 года, проходившем под знаменем “военного коммунизма”, Троцкий выступал за дальнейшее “закручивание гаек” и обрушился на так называемую “рабочую оппозицию”, защищая командно-административную систему в партии и государстве, которую позже примет на вооружение Сталин. Принудительный и утопический характер “военного коммунизма” продолжал игнорировать реальное состояние дел, пока не загнал себя угол и мог существовать только за счёт постоянного применения всё больших доз насилия. Ленин поддерживал Троцкого, но к 1920 году дело уже приближалось к критической точке.

Троцкий искал выход из тупика “военного коммунизма”. Он понимал, что нельзя отнимать урожай у крестьянина, что его нужно поощрять, чтобы он вырабатывал и продавал излишки и зарабатывал на них, и стал высказывать такие мысли. Но в то время Ленин и ЦК ещё не изжили прежних иллюзий и отвергали их. Только после очевидного провала политики “военного коммунизма” весной 1921 года Ленин воспользовался этими предложениями и осуществил их на практике под названием “новая экономическая политика” (нэп).

Падение

Конец гражданской войны стал началом неудач Троцкого. Взрыв на волне русской революции на самую вершину её гребня, он теперь заскользил по её бегущему скату вниз. Болезнь Ленина поставила вопрос о том, кто будет

премьерником Ленина и новым главой государства. Сформировался союз Сталина с Зиновьевым и Каменевым (“тройка”) против Троцкого. 3 апреля 1922 года по предложению Каменева и Зиновьева была учреждена должность Генерального секретаря ЦК РКП(б), на которую по их предложению был назначен Сталин.

В это время в правящую коммунистическую партию хлынула масса карьеристов. Усиление бюрократизма обусловливалось и всеобщей усталостью от войны. Побеждали настроения “не мы для революции, а революция для нас”. Они вызывали серьёзные опасения у Ленина, посвятившего им немало внимания в своих последних работах. Тем временем усиливалось влияние Сталина как секретаря ЦК. По мнению Троцкого, “нет никакого сомнения в том, что для текущих дел Ленину было во многих случаях удобнее опираться на Сталина, Зиновьева или Каменева, чем на меня. . . у меня были свои взгляды, свои методы работы, свои приёмы. . . он слишком хорошо понимал, что я не гожусь для поручений”.

К осени 1923 года Ленин уже не мог вмешиваться в дела большевистского руководства, в котором разгорелась дискуссия, направленная против Троцкого. В это время он простудился и проболел весь остаток осени и начало зимы. Отсутствие Ленина и Троцкого развязало руки Сталину и его временным союзникам. Шаг за шагом они осуществляли меры, ограничивавшие авторитет и влияние Троцкого. Сторонники Троцкого незаметно заменялись другими, более лояльными и надёжными. В партийной прессе всё чаще стало появляться имя генсека партии. Исподволь пересматривались политические биографии вождей и их вклад в победу революции. Шёл целенаправленный процесс ослабления роли и места одного из двух главных героев революции и гражданской войны. Сталин оказался непревзойдённым мастером закулисных интриг. Однако вес и авторитет Троцкого были пока столь велики, что с ними нельзя было не считаться.

Накал в борьбу внесло письмо Троцкого в ЦК от 8 октября 1923 года по хозяйственным вопросам. В нём он назвал сложившееся в партии положение “секретарской иерархией” и обвинил “партийную бюрократию” в кризисе. Через неделю Троцкий подготовил ещё один аналогичный документ, который подписали 46 коммунистов с дореволюционным партийным стажем, среди которых были такие известные большевики, как Антонов-Овсеенко, Осинский, Преображенский, Пятаков.

В конце месяца находящийся уже под решающим влиянием Генерального секретаря пленум ЦК квалифицирует заявление Троцкого как откровенно “фракционное”, и Сталин требует “осудить Троцкого”. В январе Ленина не стало, и многое уже было предпринято. Будучи главой мощного военного ведомства, Троцкий упустил возможность опереться на своих сторонников. Когда же он попытался это сделать, было уже поздно. “Тройка”, и особенно Сталин, в результате последовавших батальей снискала себе известность непреклонных сторонников ленинизма, защитников его учения, не останавливающихся даже перед тем, чтобы решительно развенчать знаменитого вождя, оказавшегося “отступником”. Дискуссия этих месяцев ознаменовалась началом переосмысления истории русской революции. Роль Сталина стала преувеличиваться, а Троцкого — преуменьшаться.

Сталин неуклонно добивался ухода с важных постов в наркоматах по военным и морским делам сторонников Троцкого. За год-полтора были смещены многие командующие округами, армиями, управлениями. Вокруг Троцкого постепенно создавался вакуум. Он продолжал будоражить общественное мнение своими речами и статьями, но было ясно, что он уже проиграл. В январе 1925 года Троцкий был снят с постов наркома по военным делам и председателя Реввоенсовета республики.

Посоветовавшись, “тройка” предложила ему три должности, которые быстро отодвинули опального лидера с магистрали политической жизни на её обочину и должны были погрузить его в рутину будничных дел. Троцкий возглавил Концессионный комитет, Электротехническое управление и стал Председателем научно-технического управления промышленности. Он с головой ушёл в работу, но тем временем в печати продолжались публикации против “троцкизма”, вспоминались его старые промахи. Между тем, в самой “тройке” произошёл раскол: Зиновьев и Каменев осознали, что, поддерживая Сталина, они готовят почву для единоличного лидера, и повернулись к Троцкому.

В партии в то время шли споры о путях и темпах строительства социализма. Сталин выдвинул концепцию “строительства социализма в одной, отдельно взятой стране”.

Настаивая на зависимости судеб революции в России от международного революционного процесса, Троцкий придерживался прежних леворадикальных взглядов. Такая позиция была противоречива: с одной стороны, утверждалось, что без мирового революционного пожара социализм в Советской России построить нельзя, а с другой — он же призывал к решительным преобразованиям в стране, сверхбыстрым темпам роста экономики, “сверхиндустриализации”, которую тогда можно было произвести только за счёт крестьянства. Такого рода взгляды поддерживали Каменев и Зиновьев. Возникла “левая оппозиция”.

В противовес ей Сталин обратился к будущему блоку “правых” — Бухарину, Рыкову, Томскому. Они выдвинули концепцию “врастания крестьянина в социализм”, подвергли жёсткой критике идею Троцкого и его сторонников, означаящую, по их мнению, “внутренний колониализм” и ограбление деревни.

С явным запозданием Троцкий бросился сколачивать оппозицию Сталину. К нему шли сторонники. Проводились нелегальные совещания. Создавались группы политической борьбы. Делались попытки наладить печатание материалов. Устанавливались закрытые каналы связи. Состоявшийся в октябре 1927 года пленум ЦК принял решение об исключении Троцкого из руководящего органа партии. Троцкий пытается нанести ответный удар: 7 ноября, в 10-ю годовщину Октябрьской революции, во время праздничной демонстрации он и его сподвижники в разных городах развернули лозунги со своими призывами. Однако 14 ноября Троцкого и Зиновьева как главных инициаторов этих акций исключили из партии. На XV съезде в декабре того же года за бортом партии оказались ещё 93 видных деятеля левой оппозиции. Некоторые из них — Каменев, Зиновьев и ещё около 20 человек — покаялись в надежде восстановиться в партии, большинство же, в том числе и Троцкий, отказались от публичного унижения. В январе 1928 года Троцкого выслали в Алма-Ату. Но и оттуда он переписывается с видными деятелями оппозиции, продолжает борьбу.

Изгнание и кончина

Физически уничтожить или бросить в тюрьму Троцкого Сталин тогда ещё не решается, и в январе 1929 года он выслал Троцкого из страны. Оказавшись в Турции на небольшом острове Принпико неподалёку от Стамбула, Троцкий продолжает выступать с серией статей, направленных против Сталина, издаёт журнал “Бюллетень оппозиции”, надеясь распространять его в СССР, публикует фундаментальный исторический труд “История русской революции”, работу “Сталинская школа фальсификаций”, мемуары “Моя жизнь”. Книги выпускались зарубежными издательствами на разных языках, включая и русский. Организации его сторонников возникают в Европе, Америке и Азии. В 1932 году Сталин лишает Троцкого советского гражданства.

Когда Троцкий обращался в посольства европейских стран с просьбой о предоставлении ему въездной визы на постоянное жительство или на время, он каждый раз получал отказ, так как считалось, что революционер-интернационалист станет вмешиваться во внутренние дела государств. Тем не менее, с помощью связей в 1933 году Троцкий прибывает во Францию, однако надолго обосноваться ему там не удаётся, и он перебирается в Норвегию. 5 августа 1935 года норвежскими фашистами на его дом было совершено нападение. Считая, что Коминтерн безнадежно попал в руки сталинской бюрократии, Троцкий выдвигает идею учреждения IV Интернационала и прилагает усилия к её реализации.

Во Франции и Норвегии Троцкий отдавал много времени творчеству. В 1936 году была опубликована книга “Преданная революция”, в которой он попытался дать ответ на вопрос, что такое СССР и куда он идёт? По мнению Троцкого, в стране сложилась крайне противоречивая картина. С одной стороны, режим покоится на государственной собственности и плановой экономике, с другой — на неравенстве и бюрократизме. Поэтому социальный баланс непрочен. И в конечном счёте, победит либо социалистический элемент,

либо буржуазный. Управленческая бюрократия не будет бесконечно удовлетворяться потребительскими привилегиями. Рано или поздно она попытается сформироваться в новый имущий класс, экспроприируя государство и становясь владельцами трестов и концернов. “Привилегии, — писал он, — имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение её в новый имущий класс” (Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 210). Не это ли случилось в нашей стране после “перестройки”?

Его нахождение в Европе стало ещё более проблематичным после того, как летом 1936 года было объявлено, что в Москве Зиновьев, Каменев и 14 других подсудимых дали показания, что участвовали в заговоре и покушении на жизнь Сталина. Они признались также в работе на гестапо род руководством Троцкого. Суд вынес смертный приговор всем осуждённым. Вскоре советский посол в Осло вручил правительству официальную ноту, в которой указывалось, что Троцкий использует Норвегию в качестве “базы для своего заговора”, и говорилось, что “продолжение предоставления убежища Троцкому... подорвёт дружеские отношения между СССР и Норвегией”. После этого он был изолирован и интернирован.

Другие страны также не жаждали принимать “лидера мировой контрреволюции” вследствие раздуваемого вокруг него остракизма со стороны советских властей и их давления на мировое мнение. Один из его почитателей, мексиканский художник Диего Ривера пригласил его поселиться в своём доме, и в канун 1937 года Троцкий с женой отплыл в Америку.

Первые два года пребывания в Мексике Троцкий был полностью поглощён комментированием продолжающихся московских политических процессов, а затем и участием в организованном демократически настроенной интеллигенцией США, Франции, Мексики и других стран Контрпроцессе, закончившемся вердиктом “Не виновен”. Однако его надеждам на то, что это будет услышано в СССР или окажет заметное влияние на мировое общественное мнение, не суждено было сбыться.

Весной 1939 года с помощью своих американских сторонников Троцкий приобрёл дом на окраине Койоакана, в предместье Мехико. Его стены и ворота были укреплены, у ворот дежурили вооружённые охранники. Они не раз замечали, что вокруг убежища опального революционера стали появляться незнакомые люди.

Последние полтора года своей жизни Троцкий отдал созданию политической биографии Сталина. В последней части книги автор замечает: “В результате серии московских процессов оказалось, что из девяти человек, которые при жизни Ленина были в Политбюро, <о> е<сть> в верховном учреждении партии и государства, все, за исключением Сталина и своевременно умершего Ленина, оказались агентами иностранных государств. Во главе Красной армии стояли лишь изменники: Троцкий, Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Гамарник, Муралов, адмирал Орлов и пр. Важнейшие советские дипломаты: Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Юренев, Богомолов и другие — оказались врагами народа. Во главе промышленности, железных дорог и финансов стояли организаторы саботажа: Пятаков, Серебряков, Смирнов, Лифшиц, Гринько и другие. Во главе Коминтерна случайно оказались агенты фашизма: Зиновьев, Бухарин, Радек. По приказу Троцкого, отделённого тысячами километров, становились иностранными шпионами глава правительства Рыков и большинство народных комиссаров: Каменев, Рудзутак, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Иванов, Осинский и другие”. Продолжив длинный перечень вопиющих фактов, Троцкий заключает: “Под этой картиной нужно поставить подпись мастера: Иосиф Сталин” (Троцкий Лев. Сталин. М., “Русский Шахматный Дом”. С. 566).

24 мая 1940 года на дом Троцкого было совершено нападение. Руководил покушением тайный агент НКВД Иосиф Григулевич, а группу налётчиков возглавлял мексиканский художник и убеждённый сталинист Давид Сикейрос. Ворвавшись в около 4 часов ночи спальную комнату, они совершили около 200 выстрелов и скрылись. Услышав подозрительный шум во дворе, Троцкий с женой спрятались под кроватью и чудом не пострадали. Однако Сталин твёрдо решил покончить с ним.

Не прошло и трёх месяцев, как другой агент, нанятый НКВД, испанец Рамон Меркадер проник в пристанище Троцкого и ударом ледоруба по голове нанёс ему смертельную рану. На следующий день 21 августа 1940 года Троцкий скончался.

Ещё раньше не стало всех его четверых детей. Старшая дочь Зинаида покончила с собой в 1933 году. Младшая — Нина — умерла от туберкулёза в 1928 году во время ссылки Троцкого в Алма-Ату, причём ему было отказано в прощании с ней. Старший сын — Лев — после изгнания из СССР почил при загадочных обстоятельствах после операции в Париже, младший из сыновей — Сергей — расстрелян в 1937 году.

Уроки драмы

Не только большое, но и главное *видится на расстоянии*. Драма Троцкого была predetermined не только его гением и чертами характера, но и противоречиями марксизма, адептом которого он оставался до конца своих дней. Неоспоримые достоинства этого учения и мировоззрения сочетались с утопическими сторонами, становящимися всё более очевидными в ходе мировой практики. Однако приверженцы доктрины отказывались признать это. В результате марксизм всё больше превращался в вероучение, разновидность новой религии. И, как и прежде, так и теперь в ней появились “инквизиторы” и их противники, наиболее ярким из которых оказался Троцкий. Но и он не выходил за “красные флажки”.

Советская реальность представляла удивительно противоречивый конгломерат. Господствующая над жизнью идеология использовалась партийно-государственной бюрократией как прикрытие для увековечивания своей власти, направленной якобы на коренные интересы народа. Нельзя сказать, что для него вообще ничего не делалось. Делалось, и немало. Плановое хозяйство и распределение по труду, пусть и деформированные, всё же имели место и давали поражающие мир социальные результаты. Антикапиталистическая направленность строя выражалась в запрете предпринимательских свобод, не говоря уже об идеологических вольностях. Главенство командно-административных методов управления и применение насилия обеспечили индустриализацию и быстрые темпы роста экономики. Но затем началась пробуксовка, и стало ясно, что без широкого использования товарно-денежных отношений не обойтись. Однако их допущение наталкивалось на коммунистические табу и всякий раз приостанавливалось. Марксистские догмы препятствовали императивам развития. И оно пасовало перед верой.

Троцкий критиковал советскую действительность и её вождя за бюрократизм и зажим свободы, но не за отход от нэпа. Он признавал гигантские достижения страны при Сталине. Подвергая критике антидемократизм, он показывал, что важнейшая сторона революции была предана и растоптана новым властвующим слоем, а сформированная система далеко отошла от идеалов марксизма. Но он не считал, что ликвидация рыночных регуляторов и внедрение мобилизационных начал не позволяют производительным силам развиваться. Не зря в “Политическом завещании” Ленин писал, что Троцкий слишком увлекается “административной стороной дела”. Эта сторона присутствовала и в “трудовых армиях”, и в прожектах “сверхиндустриализации” за счёт эксплуатации крестьянства. Как известно, многое из этого потом у него перенял Сталин.

Не оправдался и расчёт на победу революции в других странах. Капитализм под влиянием Октября социализировался и, используя государственные и плановые рычаги, создал конвергентную экономику, смягчающую экономические кризисы перепроизводства и улучшающую условия жизни трудящихся классов. Последней иллюстрацией этого стали так называемые “базовые доходы” в ряде европейских стран, гарантирующие всякому гражданину достойный минимум средств существования независимо от того, работает он или нет. Таким образом, капитализм, во всяком случае, в наиболее развитых странах снял ряд противоречий, сделал этот строй живучим, а потому вера в победу социализма в Европе или во всем мире стала химерой. А ведь Троцкий считал это необходимым условием для того, чтобы потом был взят на буксир пионер социалистической революции — Россия. Словом, жизнь показала, что на смену

капитализму идёт не диаметрально противоположное ему общество, а то, которое впитывает в себя достоинства как капитализма, так и социализма. Китай пошёл по этому пути первым среди социалистических стран. За ним так же успешно движется Вьетнам. В капиталистическом мире это интеграционное направление особо рельефно выступает в скандинавских странах.

Одна из составляющих марксизма – диктатура пролетариата – также показала своё банкротство. Ни один класс нельзя идеализировать. И в пролетариате имеется немало порочного. Кроме того, партии, выступающие от его имени и вносящие свои идеи в его сознание, способны, как показывает действительность, отрываться от тех, кого они представляют. В их верхах развёртывается жестокая борьба за власть.

Иначе говоря, драма Троцкого питалась многими источниками. Обладание талантами, которых он не скрывал, вызывало зависть и стремление “дружить против” него. Но главное не в том. Диалектика революции в условиях среднеразвитой страны неминуемо вела к возвышению бюрократической прослойки или нового класса, не обладавшего революционно-религиозным рвением, но ставящего на первый план свои собственные интересы. Старая “ленинская гвардия” была выкошена процессами 30-х годов, а новая каста не жила интересами революции.

Призывающий к мировому революционному пожару Троцкий оказался не нужным не только внутри страны, но и за её пределами. Поэтому-то он и стал изгнанником в далёкой Мексике. И в новой России его личность отвергается правящим классом, относящимся с презрением к тем, кто выступал прежде с коммунистических позиций и был бескомпромиссным критиком буржуазии.

Фигура Троцкого – одна из наиболее драматических в мировой и отечественной истории.